

Любимова Г.В. Демонологические персонажи сибирской деревни XIX - нач. XX вв. // Русские старожилы. Культурное наследие народов Западной Сибири. Материалы III-го Сибирского симпозиума. Тобольск - Омск: ОмГПУ. 2000. С. 177-179.

Существенная роль в общественной жизни сибирской деревни XIX – начала XX вв. принадлежала лицам, известным под общим названием “знающие”. Авторитет “знающих”, как показывают разнообразные источники, зачастую был выше, чем у официальных должностных лиц. Интересное подтверждение этому находим в рукописи сузунского краеведа П.Ф.Пирожкова, в которой описываются события, связанные с зарегистрированной здесь в 1892 г. холерой – ср.: *“зоринские мужики собрались на сход к старосте... Решили закрыть все входы-выходы, поставить карантин и зажечь навоз вокруг деревни. Но знахарь Иван Гаврилович Сотников решительно настоял на том, чтобы сделать “обыденную” рубашу и огородить деревню “огородом”.* Мнение знахаря в данном случае оказалось более весомым, чем мнение старосты.

Обычно “знающими” становились люди, почему либо нарушающие границу между сферами бытия или находящиеся близко к ней, то есть, так или иначе “связанные с потусторонним миром” (Раденкович, 1995) - ср.: *“в народе ходят легенды,.. будто колдуны продают свою душу дьяволу”* (Надеждинский, 1864; Тобольская губ.) и в силу этого *“являются... посредниками между людьми и нечистыми духами”* (Неклепаев, 1903, Сургутский край).

Полученное тем или иным способом тайное знание носило, по народным воззрениям, двойственный характер, поскольку его реализация могла происходить как “положительным”, так и “отрицательным” путем. Понятия знахарства, ведовства и колдовства в народной традиции были разграничены не четко, соответственно, такие категории лиц, как знахарь/знахарка, ведун/ведунья, колдун/колдунья и пр. различались не столько по характеру магической практики (“хорошая” или “плохая”), сколько по способностям и силе человека (Харитоновна, 1997).

В поздней традиции одной из заметных функций знахаря или колдуна являлась роль главного распорядителя крестьянской свадьбы – ср.: *“дружка и полудружье в свадебном обряде играют роль знахарей”* (ГААК, ф.163; Барнаульский о.); *“дружка - он же немного и колдун”* (АРГО, р.59, Нерчинский о.); *“хранитель свадебных порядков, обычаев и обрядов... - вежливец - вместе с тем и вражней, то есть ведающийся с нечистой силою”* (АРГО, р.61, Тобольская губ.).

Знание всевозможных *“присказок, прибауток, поговорок (и) наговоров”* для *“отвораживания порчи”* входило в круг важнейших обязанностей дружки (Григоровский, 1882, Нарымский край). Считалось также, что сам дружка должен *“быть хитрым, сметливым и проворным”* (ГААК, ф.163, Барнаульский о.). Те же по сути требования предъявлялись и к главным исполнителям календарных обрядов и праздников. На роль Масленицы, к примеру, обычно приглашался *“опытный, хорошо знающий подробности обряда крестьянин”* - *“хороший знахарь, посказитель и певец народных песен,.. находчивый и остроумный”* (Городцов, 1915, Тюменский у.).

Являясь главным распорядителем обрядового действия, дружка строго следил за всем ходом свадьбы, за своевременным наступлением того или иного ее этапа. По словам вятских переселенцев, *“дружка и тысяцкий смотрели, чтобы день не на убыль шел, когда жених с невестой венчаться поедут”* (записано в с.Наумово, Тальменский р-н, Алтайский край). Поведение дружки складывалось из множества мелких ритуально-магических действий – ср: *“во время общего стола... при перемене каждого кушанья (дружка) делает странные какие-то наговоры”* (АРГО, р.62, Томская губ.), с полотенцем через плечо и с плетью в руке *“ходит вокруг свадебного поезда.., шепчет и наговаривает, пересыпая слова свои прибаутками,.. вооружает жениха и невесту восковыми с наговором шариками,.. советует невесте сверх обыкновенных подвязок к чулкам надеть еще и мочальных и... крестится перед каждой дверью, перед каждым порогом”* (АРГО, р.59, Нерчинский о.). По дороге в церковь деревенский колдун *“садится в сани и едет тихо вперед.., осматривая все подозрительное”* – будь то *“щепочка”* или *“камышек”* (Надеждинский, 1864, Тобольская губ.).

Представления об особой уязвимости героев свадебного ритуала нашли отражение в многочисленных быличках об *“испорченных свадьбах”* – ср. *“без вежливица... лошади унесли (молодых) в поле, там невесту испортили, так что со свадьбы стала чахнуть”* (АРГО, р.61, Тобольская губ.). Отметим, что лицо, *“испортившее”* невесту, в данном случае не названо, однако имеется указание, что это случилось в отсутствие *“вежливица”*. Согласно полевым материалам, непосредственным виновником подобного рода несчастий обычно являлся *“один старик”*, которого *“не уважили”*, *“места за столом не дали”*, *“подарок не сделали”* и т.п. – ср.: *“как-то раз одного деда на свадьбу не пригласили, так он сказал – “Попомните вы меня” - и превратил невесту с женихом в волков. Пришли тогда к нему родные жениха и невесты, в ноги упали, он их и расколдовал, вот только невеста*

сильно поморозилась, когда они с женихом волками по полям бегали” (записано в с.Петропавловка, Маслянинский р-н, Новосибирская обл.). Нетрудно заметить, что со временем произошло смещение акцентов в роли колдуна на свадьбе в негативную сторону:

В образе женских демонологических персонажей более отчетливо, чем в мужских, прослеживается сочетание человеческой природы и свойств демона - например, способностей к оборотничеству.

В энциклопедическом словаре “Славянская мифология” (М., 1995) “ведьма” (от др.-рус. ‘ведь’ – “знание”) рассматривается как один из основных персонажей *западно- и восточнославянской* демонологии, в то время как “вештица” – в качестве персонажа *южнославянской* демонологии. Вместе с тем, архивные и опубликованные источники показывают, что сибирской деревне были известны оба понятия.

Вредоносная деятельность ведьм и колдовок распространялась, по народным воззрениям, на сферу земледелия и скотоводства - ср: *“колдуны нередко вредят скоту и посевам”* (Надеждинский, 1864, Тобольская губ.). В быличке, записанной более ста лет назад “учеником Читинского городского училища Дм. Нечухаевым”, речь идет как раз о такой женщине-ведьме: *“В одно время случилось так, что у коровы Василия Тарасова не стало молока,.. а у нас верят, что иногда молоко у коровы выдаивают ведьмы. Тарасов взял борону, потому что ведьму нужно глядеть через борону,.. и когда глядел, то в полночь вдруг молоко зажурчало. Он стал приглядываться и увидел, что под коровой сидит сорока,.. он ударил сороку наотмашь,.. и вдруг из сороки сделалась его кума! Он давай ее лупить и вот она умерла на четвертый день”*. Примечательно, что в конце записи автор сделал пояснение, где и когда произошли указанные события: *“это случилось в с.Доронинском, в 1886 г., на святках, в декабре месяце”* (ПФА РАН, ф.104).

Сходные былички были записаны летом 1999 г. у семейских Забайкалья: *“колдовки и букусетки под Ивана Травника ходили... хозяин под борону забрался и увидел, как одна корову доила. Он у ей уши отрезал, так она потом платок не снимала”*. Указанным персонажам приписывалась также способность делать “заломы” в поле, “снять” которые могла только “лекарка”: *“она придет, почитает что-нибудь и снимет залом”* (сс.Десятниково, Верхний Жирим, Тарбагатайский р-н, Республика Бурятия).

Нередко колдуньям приписывалась способность вызывать засуху - ср.: *“крестьяне чуть не утопили старую женщину, “колдунью”, подозреваемую в том, что она виновница небывалой засухи”* (АРГО, р.59. Нерчинский о.). Вместе с тем, представительницы данной социовозрастной категории, играли ведущую роль и в противоположных по смыслу обрядах, направленных на вызывание дождя (подробнее см.: Любимова, 1997), что, по мнению ряда исследователей, можно рассматривать как проявление особой “ответственности” женщин за подобного рода несчастья и - как своеобразный “женский” вариант ритуального обновления и очищения мира (Байбурин, 1993).

Сведения о “вещицах”, носят, к сожалению, единичный характер. В настоящее время мы располагаем по крайней мере тремя описаниями, относящимися к Тобольской губернии конца XIX в. Все авторы отмечают реальную (человеческую) природу данного персонажа - ср.: вещицами могут быть *“разных возрастов замужние женщины”* (Неклепаев, 1903, Сургутский край); вещицы - это *“зловредные старухи”*, одна из которых - *“старуха из России”* - жила в Березове (АРГО, р.61); и более того, *“в каждом селении”* жители могут указать *“на ту или другую женщину, которая при случае с помощью нечистой силы превращается в вещицу”* (Зобнин, 1896).

Главное свойство женщины-вещицы заключалось в ее способности оборачиваться сорокой и *“вынимать телят из коров и младенцев из беременных женщин”*. Считалось, что в полночь вещица *“обращается в сороку в бане на 12 ножах”*, а *“туловище без головы... оставляет под поганым корытом”*; вылететь из дома - также как и попасть в чужой дом - вещица может только через дымовую трубу, за что в Сургутском крае ее прозвали “труболёткой”. Взамен вынутого ребенка *“вещица кладет в утробу матери кусок льда, хлеба или голик”*, отчего та всю жизнь *“мучится... болью в животе”*, самого же младенца вещица жарит и ест. *“Если в полночь увидишь бесхвостую сороку с синим огоньком над головой, и хочешь опознать, кто именно летит, то нужно снять штаны и, обернувшись к вещице задом, посмотреть на нее промеж ног, тогда она упадет на землю и превратится в женщину. Этим путем обнаружить вещицу могут только мужчины”*, поймать же ее *“можно в Христову заутреню”*. *“Христовска заутреня”* считалась также благоприятным временем *“для обличения волхитки”* (Макаренко, 1913, Енисейский у.).

Сведения о вещицах в других районах Сибири до сих пор не встречались. Тем не менее, в фонде Алтайского подотдела ЗСО РГО удалось обнаружить описание

персонажа с аналогичными функциями, хотя само название при этом не упоминалось: *“в Ояше, - писал автор корреспонденции в 1892 г., - есть одна старуха, которая,.. умеет обращаться сорокой и, летая по домам, где есть беременные женщины, вынимает детей. Подобные случаи стали повторяться очень часто, и общество присудило сжечь ведьму (колдунью). Приготовлен был даже сруб, в котором предполагалось сжечь ее. Но она дала обещание не делать подобных вещей и напасти кончились. Это было лет 10 тому назад”* (ГААК, ф.81).

Другие демонологические персонажи, также сочетавшие в себе свойства реальных людей и демонов, отличались менее четко выраженными функциями. К примеру, еретики и еретицы, как считалось, при жизни ничем себя не проявляли, зато в первую же после смерти ночь *“вставали из гроба, бросались на живых людей и тут же поедали их”* (Неклепаев, 1903, Сургутский край); в отличие от них *“волшебницы” - “замужние женщины и девушки”* – вредили не живым, а мертвым, разрывая по ночам *“свежие могилы”* и питаясь *“недавно похороненными покойниками”* (Там же). Характер отношения к ним со стороны русских сибиряков один из авторов определил как *“боязненное почитание”* (Макаренко, 1913, Енисейский у.).

В целом, жизненный путь каждого человека характеризовался, по народным воззрениям, *“нарастающей с возрастом ритуально-магической активностью”* (Адоньева, 1998) - ср., к примеру, общерусское хождение термина *“бабушка”* в значении *“лекарка, знахарка”*. Вместе с тем, как показывают приведенные материалы, существовала особая категория лиц, находившихся в постоянных контактах с иным миром, изучение роли и функций которых будет способствовать более полному пониманию реальной структуры сибирской общины указанного периода.